ՔՐԵԱԿԱՆ ԴԱՏԱՎԱՐՈՒԹՅՈՒՆ/CRIMINAL PROCEDURE/УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

https://doi.org/10.59546/18290744-2025.1-3-119

ОВАНЕС БАЯНДУРЯН
Член палаты адвокатов РА,
аспирант кафедры уголовного права и уголовно-процессуального права Российско-Армянского университета

ՀՈՎՀԱՆՆԵՍ ԲԱՅԱՆԴՈՒՐՅԱՆ
ՀՀ փաստաբանների պալատի անդամ,
Հայ-ռուսական համալսարանի քրեական իրավունքի և քրեական դատավարության իրավունքի ամբիոնի ասպիրանտ

HOVHANNES BAYANDURYAN
Member of the Chamber of Advocates of the RA,
PhD student at the Chair of Criminal Law and Criminal Procedure Law of Armenian-Russian University

МЕХАНИЗМЫ ОТКАЗА ОТ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

ԻՐԱՎԱԲԱՆԱԿԱՆ ԱՆՁԱՆՑ ՔՐԵԱԿԱՆ ՀԵՏԱՊՆԴՈՒՄԻՑ ՀՐԱԺԱՐՄԱՆ ՄԵԽԱՆԻԶՄՆԵՐԸ

MECHANISMS FOR WAIVING CRIMINAL PROSECUTION OF LEGAL ENTITIES

ВВЕДЕНИЕ

Институт освобождения от уголовного преследования лица, совершившего преступление, предусмотрен в уголовном и уголовно-процессуальном праве зарубежных стран. Существует множество правовых механизмов, являющихся альтернативой уголовному преследованию. Большинство из них направлено на урегулирование конфликта между потерпевшим и преступником. Разрешение конфликтов приводит к прекращению уголовного преследования, которое может осуществляться как на досудебной стадии, так и в ходе судебного разбирательства. Как правило, такие альтернативные меры применяются в отношении преступлений, не представляющих высокой общественной опасности, а также в случаях, когда возможно устранение последствий правонарушения или возмещение причиненного материального ущерба.

В мировой практике наблюдаются два варианта реакции государства на совершенное преступление:

а) обнаружение преступления – уголовное преследование в рамках уголовно-процессуальной деятельности – наказание – исполнение наказания;

б) обнаружение преступления и отказ от уголовного преследования по мотивам его нецелесообразности без каких-либо дополнительных условий.

Первое направление свойственно законодательству России и стран СНГ. В них одним из общеправовых принципов является принцип законности. Второй вариант характерен для законодательств тех государств, в которых допускается оценка целесообразности уголовного преследования при решении вопроса о его возбуждении (например, Англия, Франция, Бельгия). На первый взгляд два рассмотренных выше направления являются взаимоисключающими, так как принципы законности и целесообразности вступают в противоречие. В связи с этим не представляется возможным их одновременное присутствие в рамках правовой системы одного государства.[1]

ОСНОВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Законодательства современных государств характеризуются как внедрением норм международного права, так и адаптацией заимствованных правовых положений с учетом особенностей национальной правовой системы. Это позволяет предположить существование третьего подхода, который представляет собой компромисс между ранее упомянутыми вариантами. Его сущность заключается в использовании альтернатив уголовному преследованию, основанных на принципе целесообразности, но при этом не нарушающих принцип законности.

Зарубежная правоприменительная практика к числу альтернативных мер уголовного преследованию относит такие механизмы, как медиация, уплата штрафа, трансакция и отказ от уголовного преследования ввиду его нецелесообразности.

Отсрочка от уголовного преследования как правовой механизм отказа от уголовного преследования представляет собой один из механизмов альтернативного урегулирования уголовно-правовых споров, позволяющий избежать традиционного судебного разбирательства при соблюдении определенных условий. Этот институт применяется в случаях, когда обвиняемый демонстрирует готовность исправить совершенное правонарушение, возместить ущерб или выполнить иные требования, установленные соглашением с правоохранительными органами.

Соглашения об отсрочке судебного преследования и аналогичные соглашения практикуются во многих странах, когда есть подозрения в совершении корпоративного преступления.

В некоторых юрисдикциях национальные правоохранительные органы могут предлагать компаниям, подозреваемым в совершении должностных преступлений, а также в совершении экономических и экологических преступлений, соглашения об отсрочке судебного преследования. Если предложение принимается, то судебного разбирательства не будет. Вместо этого компания договаривается с агентством (государственный обвинитель) о некоторых мерах по предотвращению будущих правонарушений со стороны компании.

[1] *Александрова А.В.,* Альтернативы уголовному преследованию в зарубежном законодательстве // Известия Юго-Западного государственного университета. 2018. Т. 22, No 2(77). С. 152-157.

Если компания подписывает соглашение об отсрочке судебного преследования, компания признает определенные действия, но не признает себя виновной в нарушении закона. Компания и агентство договариваются о прекращении нерешенного публичного расследования (Hertstein et al., 2024 , Homer and Maume, 2024 , King and Lord, 2020 , Lüth, 2021 , Parker and Dodge, 2023). Хок и Дэвид-Барретт (2022) назвали систему договорного правосудия игрой в соблюдение требований, которая в конечном итоге выгодна крупным корпорациям, где руководители могут участвовать в объединении несвязанных схем, чтобы получить значительные скидки от властей США и Великобритании (Хок, 2021)[2].

В других юрисдикциях национальные правоохранительные органы не могут предложить компании такое соглашение. Вместо этого в таких странах, как Норвегия, компания, оштрафованная государственным органом, должна оспорить штраф, обратившись в суд. Если штраф принимается компанией без суда, то компания признает вину с точки зрения нарушения закона.

Правоприменительная практика в зарубежных странах США. Динамику развития практики внедрения соглашения об отсрочке уголовного преследования в США можно разделить на 3 этапа. Первый этап датируется 1990-ым годом. Знаковым моментом в становлении этой практики послужило расследование дела компании Salomon Brothers в первой половине девяностых годов XX века. Этот прецедент подчеркнул потребность в создании инструментов, позволяющих компаниям устранять допущенные нарушения без полноценного уголовного преследования, что впоследствии способствовало расширению практики заключения соглашений об отсрочке уголовного преследования в корпоративном секторе США.

На втором этапе, реагируя на волну корпоративных мошеннических скандалов, в начале 2000-х годов Конгресс США принял закон Сарбейнса-Оксли. В июле 2002 года президент Джордж Буш учредил Группу по борьбе с корпоративным мошенничеством, целью которой стало расследование и судебное преследование крупных финансовых преступлений. Дела таких компаний, как Enron, WorldCom и Adelphia, которые предоставляли недостоверную финансовую отчетность, привлекли внимание американских прокуроров к корпоративным преступлениям. Многие полагали, что простого наложения штрафов на нарушившие закон компании недостаточно для восстановления справедливости.

На третьем этапе, в 2007 г., федеральные прокуроры заключили 37 соглашений о приостановке судебного преследования. Эти соглашения стали применяться различными прокурорскими подразделениями по всей территории США. Внедрение подобных механизмов, включая соглашения как об отсрочке, так и об отказе от уголовного преследования, стало распространенной практикой урегулирования корпоративных правонарушений. Этот процесс демонстрирует, что прокуроры и представители бизнеса стали активно использовать такие соглашения как инструмент правового регулирования нарушений и преступлений, совершаемых корпорациями.[3]

М. Диамантис и У. Томас отмечают, что уголовное право практически не применяется: «Если вы посмотрите, сколько дел действительно доходит до суда, то, по нашим оценкам, за последнее

[2] *B. Hock, E. Dávid-Barrett*. The compliance game: legal endogeneity in anti-bribery settlement negotiations Int. J. Law Crime. Justice, 71 (2022), pp. 1-13

[3] *Asep N Mulyana,* Deferred Prosecution Agreement dalam Kejahatan Bisnis (Jakarta: Grasindo, 2019), p. 239-242.

десятилетие их было 43». Федеральная система уголовного правосудия расследует 65 тыс. дел в год. В большинстве случаев если уголовное дело вообще появляется, то оно заканчивается заключением соглашения, согласно которому прокуратура не выдвигает обвинение против корпорации за определенную плату. Те же немногие дела, по которым ведется судебное преследование, обычно не связаны с серьезными и крупномасштабными нарушениями. Они, как правило, представляют собой гораздо более мелкие семейные организации[4]. Более того, отмечают авторы, суть проблемы состоит в том, что «интересы прокуратуры и корпорации часто совпадают, поскольку все хотят избежать суда, …применительно к корпоративным преступлениям, в частности, обе стороны стремятся избежать экономических и политических последствий корпоративных осуждений». В 2020 г. компаниям с помощью согласованных сделок удалось эффективно избежать судебного процесса в 98% случаев[5].

Основными инструментами реализации отказа от уголовного преследования выступают заключение с компаниями соглашения об отложении судебного преследования (deffered prosecution agreement — DPA) или соглашения об отказе от судебного преследования (non-prosecution agreement — NPA)[6]. Среди отличительных признаков, следует заметить, что оба механизма позволяют компаниям избежать уголовного преследования при условии выполнения определенных обязательств. Однако DPA – более формализованное соглашение, включающее официальное предъявление обвинений, которые откладываются и могут быть сняты при соблюдении условий. Оно часто проходит судебное утверждение. NPA менее строгий инструмент, при котором обвинения вообще не предъявляются, но компания обязуется сотрудничать и выполнить установленные требования.

В большинстве случаев в рамках DPA компания признаёт фактические обстоятельства нарушения, что может быть интерпретировано как частичное признание вины. Однако формального судебного приговора о виновности нет. Вместо этого компания может согласиться с изложенными фактами, не оспаривая их. В некоторых случаях компания прямо признаёт вину в отдельных нарушениях, особенно если это необходимо для достижения соглашения.

В NPA компании обычно не требуется формально признавать свою вину. Вместо этого она соглашается сотрудничать с властями и выполнять определённые условия.

В отличие от DPA, в NPA не оформляется официальное обвинение, что снижает репутационные и юридические риски. Однако прокуратура может потребовать, чтобы компания признала определённые факты, но без юридического признания вины.

Соглашение о непривлечении к ответственности (NPA) аналогично DPA, но не предусматривает официального предъявления обвинений. Обычно заключается конфиденциально между прокурором и корпорацией[7].

DPA даёт правоохранительным органам более жёсткий инструмент давления на компанию, поскольку обвинения уже существуют и могут быть возобновлены в упрощённом порядке. В случае NPA прокуроры могут возбудить новое дело, но процесс будет сложнее и менее

[4] *Corporate Crime Reporter*. Corporate Criminal Law Doesn't Exist. Доступно по ссылке: https://www.corporatecrimereporter.com/news/200/corporate-criminal-law-doesnt-exist/.

[5] См. там же

[6] Примечательно, что исторически процедура заключения соглашения DPA возникла в США абсолютно в другом контексте и первоначально получила развитие в 1914 г. как метод реабилитации несовершеннолетних правонарушителей в Суде Чикаго для мальчиков (Chicago Boys' Court).

[7] *Khanna, V. S.* (2017). DPAs and NPAs: Strengthening or Weakening Corporate Compliance? Yale Journal on Regulation, 34(3), 411-442.

автоматизированным.

После скандала с Enron в начале 2000-х гг. Министерство юстиции США предъявило уголовные обвинения компании «Arthur Andersen LLP.», которая проверяла бухгалтерские книги Enron. Уголовное преследование дошло до суда, и хотя А. Андерсен в итоге выиграл дело в Верховном суде США, его компания перестала существовать, репутация была погублена, а десятки тысяч сотрудников, работавших в филиалах по всей стране, лишились рабочих мест, что в сочетании с банкротством в 2001 г. привело к появлению термина «эффект Андерсена» для описания негативного воздействия судебного преследования на корпоративных субъектов[8]. Такой результат побудил американские власти пересмотреть правила о разрешении потенциальных корпоративных уголовных дел, чтобы использовать в отношении компаний менее агрессивные методы, чем обычное преследование в уголовном порядке[9].

В США DPA и NPA активно применяются Министерством юстиции (DOJ) и Комиссией по ценным бумагам и биржам (SEC) в расследованиях корпоративного мошенничества, взяточничества (например, в рамках Закона о коррупции за рубежом – FCPA) и финансовых преступлений[10]. В США некоторые DPA требуют назначения независимых аудиторов для контроля выполнения условий.

В последнее время в целях борьбы со взятками и коррупцией правительство США помимо DPA и NPA стало применять инструмент под названием NPA с «изъятием» (NPA with disgorgement), позволяющий не преследовать компанию в судебном порядке в обмен на ее отказ от любой прибыли, полученной от незаконной деятельности.[11]

Великобритания. Британская модель DPA существенно отличается от американской, несмотря на общее правовое наследие. В отличие от США, где соглашения об отсрочке судебного преследования регулируются практикой Министерства юстиции, в Великобритании этот механизм закреплен на законодательном уровне и осуществляется под судебным контролем. Заключение DPA основывается на целесообразности сохранения компании и учете публичного интереса. Вся процедура является полностью прозрачной, поскольку окончательное решение по делу принимает суд. Все материалы, включая текст соглашения, публикуются на сайте Службы по борьбе с серьезным мошенничеством (Serious Fraud Office — SFO) и Высокого суда, которые отвечают за подобные расследования.

Закон 2013 г. содержит список требований, которые могут быть включены в соглашение DPA: штраф, компенсация жертвам предполагаемого правонарушения, пожертвование денежных сумм благотворительной организации или другой третьей стороне, возмещение любой прибыли, полученной компанией от предполагаемого преступления, внедрение или изменение действующей compliance программы или обучения сотрудников, полное сотрудничество с представителями прокуратуры, ведущими расследование, а также оплата

[8] См.: *Steinzor R.* Why Not Jail? Industrial Catastrophes, Corporate Malfeasance and Government Inaction. Cambridge University Press, 2014. P. 258—263.

[9] См.: *Anderson J. M., Waggoner I.* The Changing Role of Criminal Law in Controlling Corporate Behavior. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR400/ RR412/RAND_RR412.pdf.

[10] *Alexander, C. R., & Cohen, M.* (2015). The Impact of Deferred and Non-Prosecution Agreements on Corporate Governance. Journal of Law and Economics, 58(2), 245-278.

[11] *Голованова Н.А.,* КОРПОРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: ТРАНСФОРМАЦИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/korporativnaya-otvetstvennost-transformatsiya-ugolovno-pravovogo-regulirovaniya (дата обращения: 26.02.2025).

любых разумных расходов прокуратуры в связи с расследованием предполагаемого преступления или заключения DPA. Особенность британского DPA состоит в возможности применения в конкретном деле индивидуальных требований, что не допускается в уголовном процессе[12]. Невыполнение установленных условий влечет возобновление уголовного преследования. Порядок заключения соглашения регламентирован в Кодексе практики применения DPA. Как отмечает директор SFO Л. Ософски, с тех пор как были введены DPA, с корпораций были взысканы штрафы, они возместили расходы, связанные с расследованием (в том числе с использованием искусственного интеллекта), и вернули незаконную прибыль на сумму более 1,5 млрд фунтов стерлингов[13]. Такое рекордное глобальное соглашение было заключено с Airbus после расследования, проведенного SFO совместно с французскими и американскими властями. Одной лишь Великобритании Airbus согласился выплатить 859 млн фунтов стерлингов, что является лишь частью сделки на сумму 3,1 млрд фунтов стерлингов[14].

Канада. В Канаде действует система отказа от уголовного преследования. Такой механизм был введен в 2018 г. под названием «Соглашение о восстановлении» (Remediation Agreements, RA) (Government of Canada, 2018[15]). Они позволяют компаниям избежать уголовного наказания при выполнении ряда условий, таких как уплата штрафов, сотрудничество с властями и внедрение антикоррупционных мер. Однако система столкнулась с критикой, особенно после скандала SNC-Lavalin (2019) (MacKinnon, 2019[16]), который выявил политические риски.

Канадская система Remediation Agreements была создана для предотвращения чрезмерного ущерба бизнесу при уголовном преследовании.

Соглашения о восстановлении доступны только для организаций (не физических лиц), в основном применяются к преступлениям, связанным с коррупцией, мошенничеством, взяточничеством, а судебное одобрение обязательно, в отличие от системы США (OECD, 2021[17]). Компании должны сотрудничать с властями и улучшать внутренние комплаенс-программы.

Франция. Франция остается одной из стран, где юридические лица могут нести уголовную

[12] См.: *Morgan B.* The future of Deferred Prosecution Agreements after Rolls-Royce. 2017. 8 March. URL: https://www.sfo.gov. uk/2017/03/08/the-future-of-deferred-prosecution-agreements-after-rolls-royce/; о гражданско-правовом регулировании договорных отношений см.: Договоры в гражданском праве зарубежных стран: монография / отв. ред. С. В. Соловьева. М., 2018.

[13] We're defending the UK as a safe place for business. URL: https://www.sfo.gov.uk/2021/06/30/were-defending-the-uk-as-a-safe-place-for-business/.

[14] Международная компания «Airbus SE» заплатила в общей сложности почти 4 млрд долл. США в рамках соглашений с регуляторами Франции, Великобритании и США после 8 лет расследований, начавшихся с заявления британского информатора. Во Франции компания была вынуждена заплатить Национальной налоговой службе самый большой штраф в истории французского преследования за коррупцию в размере 2,1 млрд евро; в рамках отложенного судебного соглашения с британским SFO компания согласилась заплатить 991 млн евро. В США в рамках DPA компания за нарушения Закона о коррупции (Foreign Corrupt Practices Act, FCPA) 1977 г. обязалась выплатить Министерству юстиции США штраф в размере 2,09 млрд долл. США и 50 млн долл. США в порядке гражданской конфискации, и в рамках административного соглашения с Госдепартаментом США за нарушения законодательства об экспорте вооружения будет вынуждена выплатить штраф в размере 10 млн долл. США. См.: Дело о коррупции в Airbus. URL: https://rben.ru/column-20-02-20.

[15] *Government of Canada.* (2018). Criminal Code of Canada, Part XXII.1 (Remediation Agreements). Доступно по ссылке: https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/C-46/page-181.html#h-280646.

[16] *MacKinnon, L. (2019).* SNC-Lavalin: The Political Scandal that Shook Canada. CBC News. Доступно по ссылке: https://www.cbc.ca/news/politics/snc-lavalin-scandal-explainer-1.5021122.

[17] *OECD.* (2021). The Role of Deferred Prosecution Agreements in Combatting Corporate Corruption: Canada's Perspective. OECD Publishing. Доступно по ссылке: https://www.oecd.org/corruption/anti-bribery/Canada-DPAs-2021.pdf. (Доклад ОЭСР о роли DPA в борьбе с корпоративной коррупцией в Канаде.)

ответственность за правонарушения, совершенные в их интересах.

Однако за последние годы произошли значительные реформы, направленные на смягчение уголовного воздействия на компании и введение альтернативных механизмов наказания.

Принятие закона Sapin II в 2016 г. стало важным шагом в этом направлении, обеспечивая возможности заключения досудебных соглашений, усиление административных санкций и расширение гражданско-правовой ответственности.[18]

Тем не менее, французское законодательство постепенно смещает акцент с уголовного преследования в сторону административных и гражданско-правовых санкций, что позволяет эффективнее регулировать деятельность компаний и предотвращать системные правонарушения.

Одним из ключевых инструментов реформирования корпоративной уголовной ответственности стало введение в 2016 г. механизма Convention Judiciaire d'Intérêt Public (CJIP) – аналога американского Deferred Prosecution Agreement (DPA)[19].

CJIP позволяет компаниям, обвиняемым в коррупции, отмывании денег и налоговых преступлениях, избежать уголовного суда при условии: уплаты значительного штрафа; внедрения механизмов внутреннего контроля и комплаенс-программ; сотрудничества с правоохранительными органами.

Принципиальное отличие CJIP от DPA состоит в том, что французские компании не обязаны признавать свою вину, что снижает возможные репутационные риски[20].

Этот механизм активно применялся в крупных корпоративных делах, включая: Airbus (2020), Société Générale (2018), Google France (2019).

Французская модель смягчения уголовной ответственности корпораций соответствует мировым тенденциям. Аналогичные механизмы действуют в США (Deferred Prosecution Agreement, Non-Prosecution Agreement), Великобритании (UK Bribery Act 2010 и DPA), Германии (Законы о корпоративных санкциях). Целью данной модели является более гибкое и эффективное регулирование корпоративных правонарушений, позволяя государству воздействовать на бизнес без уголовного преследования.

Введение CJIP, усиление административных санкций и переход к гражданско-правовой ответственности позволяют не только наказывать компании за правонарушения, но и предотвращать их в будущем. Эти механизмы снижают нагрузку на судебную систему и обеспечивают баланс между государственным контролем и интересами бизнеса.

Вопрос о целесообразности использования соглашений об отсрочке уголовного преследования (DPA — Deferred Prosecution Agreements) и отказа от уголовного преследования (NPA — Non-Prosecution Agreements)

Последнее время продолжаются научные дебаты относительно целесообразности использования этих соглашений, и мнения ученых, а также практиков, остаются разделёнными. Вопрос сводится к тому, как именно эти механизмы влияют на корпоративное поведение и

[18] *Bouthinon-Dumas, H.* (2021). Corporate Responsibility and Criminal Justice Reform in France. European Business Law Review, 32(1), 77-99.
[19] См. там же
[20] *Buisson, B., & Aubert, C.* (2019). The Evolution of Corporate Criminal Liability in France: From Repression to Compliance. Journal of Business Law, 34(2), 215-232.

насколько эффективно они служат целям сдерживания и наказания.

Одной из важнейших причин популярности соглашений DPA и NPA является их способность справляться с трудностями судебного преследования корпораций. Корпоративные преступления зачастую трудно обнаружить и доказать, поскольку они часто носят скрытый характер и требуют сложных расследований, которые могут занимать годы[21]. Использование этих соглашений позволяет прокурорам быстрее достигать решения, устраняя необходимость длительных судебных процессов и сокращая затраты на расследования. Это позволяет правительству более эффективно использовать свои ограниченные ресурсы, например, для расследования других правонарушений, которые могут требовать более срочного вмешательства.

Соглашения о сотрудничестве предлагают привлекательное решение этих проблем. Закрывая дело на досудебной стадии и добиваясь победы, хотя, возможно, и меньшей, чем приговор суда, прокуроры избегают трудностей и неопределенности, связанных с судом над корпоративным преступником.

Более того, соглашения позволяют корпорациям избежать значительных затрат на судебные разбирательства и потенциальных репутационных потерь, предоставляя им возможность работать над улучшением своих внутренних процессов и процедур, предотвращая будущих нарушений. Это может стать важным стимулом для компаний к внедрению лучших стандартов корпоративной этики и соблюдения законодательства.

Однако, несмотря на очевидные практические преимущества, критики этих механизмов утверждают, что использование DPA и NPA может ослабить сдерживающий эффект.

Одни ученые считают, что такие соглашения «ограничивают карательную и сдерживающую ценность усилий правительства по обеспечению соблюдения закона и гасят общественное осуждение, которое должно сопровождать уголовное преследование» [22], некоторые ученые, которые предполагают, что NPA негативно влияют на сдерживание, делают вывод из этого предположения, что их следует использовать реже[23].

Согласно одной из точек зрения, заключение соглашений о признании вины или невиновности фактически позволяет корпорациям избежать полного наказания, включая публичное осуждение и штрафы, что могло бы служить важным сигналом для других компаний о последствиях незаконной деятельности. Без реального уголовного преследования или судебного приговора угрозы наказания становятся менее значимыми, что может снизить мотивацию корпораций к соблюдению закона в будущем. Когда угроза уголовной ответственности фактически снята, руководители корпораций могут быть более готовы агрессивно приближаться к линии или перепрыгивать ее.[24]

В связи с этим, некоторые ученые утверждают, что соглашения могут ослабить сдерживающий эффект, позволяя корпорациям избегать серьезных последствий и тем самым создавая риск дальнейших нарушений. Если угроза уголовной ответственности становится минимальной, компании могут быть более склонны к нарушению закона, рассчитывая на то,

[21] *Friedrichs,* supra note 1, at 132.
[22] Uhlmann (2013 p. 1302).
[23] Mike Koehler, "Assistant Attorney General Breuer's Unconvincing Defense of DPAs/NPAs," FCPA Professor Blog (Sept. 17, 2012) (available at: http://www.fcpaprofessor.com/ assistant-attorney-general-breuers-unconvincing-defense-of- dpas-npas).
[24] Randall D. Eliason, "We Need to Indict Them," Legal Times (Sept. 22, 2008).

что они смогут избежать наказания через соглашения или другие формы сотрудничества с властями.

Кроме того, соглашения о признании вины и невиновности также подвергаются критике с этической точки зрения. Многим представителям общественности и комментаторам кажется, что эти механизмы слишком мягки и не соответствуют тяжести корпоративных преступлений. В частности, они опасаются, что корпорации могут избегать публичного позора и социальных санкций, которые обычно сопровождают уголовные преследования. Это создает опасение, что такие соглашения могут быть восприняты как своего рода «легализованный обход» более жестких наказаний, что не способствует формированию справедливой и эффективной системы наказаний.[25]

Тем не менее, сторонники использования NPA и DPA утверждают, что такие подходы могут быть более практичными и полезными, особенно для крупных корпораций, которые могут подвергать риску не только свою репутацию, но и миллионы рабочих мест. Более того, использование этих соглашений не исключает наложения крупных штрафов или обязательств по реструктуризации корпоративных процессов, что может оказать сильное влияние на внутренние механизмы соблюдения законодательства и этики.[26]

Дебаты относительно целесообразности использования соглашений DPA и NPA подчеркивают важность поиска баланса между эффективностью уголовного преследования и возможностью избежать чрезмерных затрат и длительных судебных разбирательств. Несмотря на критику, эти соглашения остаются важным инструментом в борьбе с корпоративными преступлениями, предлагая возможность избежать катастрофических последствий для целых отраслей и обеспечить более быструю реакцию на правонарушения. Тем не менее, их использование требует внимательной оценки потенциальных рисков, связанных с ослаблением сдерживающего эффекта, а также соблюдения норм справедливости и общественного осуждения.

Одним из ключевых преимуществ является то, что компании могут избежать уголовного осуждения, которое может привести к исключению из государственных закупок, аннулированию лицензий и серьезному ущербу репутации, а компании могут договориться о меньшем размере штрафов, чем в случае полного уголовного преследования (Khanna, 2017).

Нельзя забывать, что существование корпораций существенно влияет на удовлетворение потребностей общества и государства. Предприятия играют важную роль в качестве экономической опоры, особенно в увеличении государственных доходов (налоговых поступлений), обеспечении занятости и удовлетворении потребностей общества.

Санкции, которые подчеркивают карательный подход, будут иметь более негативные последствия, особенно для невиновных людей, которые полагаются на корпорации. Поэтому санкции для корпораций, особенно введение уголовных санкций, должны осуществляться осторожно и разумно. Невиновные работники, акционеры, потребители и другие, которые

[25] *U.S. Department of Justice Soft on Corporate Crime, supra* note 15 (contrasting how companies such as Enron and WorldCom are widely known to the public because of formal criminal prosecutions, while AIG slipped under the radar when they paid $126 million in 2004 as part of a DPA for allowing clients to falsify financial statements).

[26] После краха Arthur Andersen, которое повлекло за собой потерю более 28 000 рабочих мест по всему миру, а также разрушение репутации самой компании, возникла потребность в альтернативных подходах к расследованию корпоративных преступлений. Это привело к более широкому использованию DPA и NPA в сфере корпоративных преступлений, обеспечивая баланс между эффективностью расследований и необходимостью предотвращения катастрофических последствий для всей отрасли.

полагаются на корпорации, включая правительства, должны быть защищены от вреда.

Нельзя не согласится с мнением Акса, кто в своей работе «Восстановительный подход как альтернативу уголовным санкциям в корпоративной преступности» утверждает, что при борьбе с корпоративной преступностью необходимо использовать восстановительный подход, поскольку восстановительный подход направлен на разрешение преступлений, а именно на восстановление условий, существовавших изначально. Обещание внедрения политики мониторинга, гарантирующей будущее корпоративное соответствие, обладает видимостью легитимности, которой лишены обычные граждане. Восприятие корпорации как субъекта, способного к самоисправлению, контрастирует с представлением об индивидууме, чье поведение уже продемонстрировало несоответствие нормам, что делает его маловероятным кандидатом на реабилитацию. Этот разрыв в легитимности неизбежно превращает дискреционные полномочия прокурора — один из ключевых элементов уголовной системы — в механизм, способствующий добровольному подчинению корпоративных структур государственным директивам.[27]

При этом следует отметить, что некоторые авторы выделяют определенные критерии при применения институциональных механизмов отказа от уголовного преследования. В связи с этим Клинард и Йегер приводят 11 (одиннадцать) критериев: 1) Степень ущерба для общественности; 2) Уровень сложности со стороны высших руководителей корпорации; 3) Продолжительность нарушения (продолжительность нарушения); 4) Частота нарушения корпорацией; 5) Доказательства намерения нарушить; 6) Доказательства вымогательства, как в случаях взяточничества; 7) Степень известности, созданной средствами массовой информации (степень осведомленности общественности о негативных вещах, созданных освещением в СМИ); 8) Прецедент права (юриспруденция); 9) История серьезных нарушений со стороны корпорации; 10) Потенциал сдерживания (возможное предотвращение); и 11) Степень сотрудничества, проявленного корпорацией.[28]

Процессуальные механизмы реализации в РА

Говоря о возможности отказа от уголовного преследования, следует отметить, что данный процесс неизбежно связан с принципом целесообразности.[29] В уголовном процессе Армении на уровне процессуальных принципов действует принцип законности (Legalitätsprinzip), который обязывает компетентные органы возбуждать и ввести уголовное преследование при наличии достаточных оснований. Это требование закреплено в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Армения (УПК РА), где четко определены обязанности органов уголовного преследования.

В то же время уголовно-процессуальное законодательство Армении допускает элементы дискреционного подхода, позволяя правоохранительным органам учитывать не только

[27] Mirsa Astuti and Muhammad Faris Aksa, "Pendekatan Restoratif Sebagai Alternatif Sanksi Pidana dalam Kejahatan Korporasi," Iuris Studia: Jurnal Kajian Hukum 2, No. 3 (2021): 679-684, https://doi. org/10.55357/is.v2i3.195, p. 679.
[28] *Marshall B. Clinard and Peter C. Yeager,* Corporate Crime (London: Collier MacMillan Publishers, 2010), p. 39.
[29] В уголовном праве и уголовном процессе существуют две ключевые концепции, определяющие подход к возбуждению и ведению уголовного преследования. Теория законности (Legalitätsprinzip, принцип обязательности преследования) – требует от правоохранительных органов неукоснительно инициировать и проводить уголовное преследование при наличии достаточных оснований. Теория целесообразности (Opportunitätsprinzip, принцип дискреционного усмотрения) – допускает возможность отказа от уголовного преследования или его прекращения в зависимости от конкретных обстоятельств дела, общественного интереса или иных факторов.

формальные признаки преступления, но и его общественную опасность, последствия и иные значимые обстоятельства при принятии решений о преследовании.

Идет определенная тенденция в сторону расширения дискреционного усмотрения в уголовном преследовании, особенно в экономических преступлениях и преступлениях, совершенных юридическими лицами, прослеживается гибридный подход – сочетание принципов законности и целесообразности.

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения предусматривает возможность осуществления дискреционного уголовного преследования. Уголовно-процессуальное законодательство предусматривает институт отказа от уголовного преследования, в частности, статья 197 УПК РА закрепляет возможность дискреционного уголовного преследования, следует отметить, что его применение во многом зависит от сотрудничества с органом, ведущим производство, а также от возмещения причиненного ущерба.

В этом контексте важно подчеркнуть, что дискреционное уголовное преследование предоставляет органу, ведущему производство, право принимать решение о целесообразности продолжения или прекращения уголовного преследования, исходя из специфики уголовного дела, факта возмещения ущерба и степени сотрудничества обвиняемого.

Следует заметить, что статья 197 Уголовно-процессуального кодекса Республики Армения может рассматриваться как инструмент отказа от уголовного преследования, а также как механизм, способствующий развитию элементов сделочного правосудия, что делает систему уголовного правосудия более гибкой и эффективной. Однако, в случае юридических лиц отказ от преследования может быть связан не столько с содействием правосудию, сколько с внедрением эффективных внутренних механизмов контроля.

Уголовно-процессуальные механизмы отсрочки от уголовного преследования процессуальным законодательством не предусматриваются.

Говоря об отказе уголовного преследования следует заметить, что Уголовное законодательство Республики Армения предусматривает определенные механизмы (условия) освобождения юридических лиц от уголовной ответственности. В частности, согласно статье 124 УК РА, юридическое лицо не подлежит ответственности, если его участники, акционеры или дольщики предприняли все разумные и необходимые меры для предотвращения преступления, но при этом фактически не имели возможности его предотвратить.

Исходя из анализа диспозиции данной статьи следует презюмировать, что юридическое лицо может быть освобождено от ответственности, если докажет, что его участники, акционеры или дольщики выполнили все разумные и необходимые меры для предотвращения преступления, но не имели реальной возможности его остановить.

Таким образом, ключевыми условиями освобождения от ответственности являются:

Предпринятые мер – юридическое лицо должно продемонстрировать, что оно активно пыталось предотвратить преступление, например, внедряя антикоррупционные программы, внутренний контроль и механизмы корпоративного комплаенса.

Объективная невозможность предотвращения – несмотря на предпринятые меры, преступление было совершено, и у лиц, управляющих компанией, не было реальной возможности вмешаться или остановить его.

Эта норма коррелирует с концепцией «разумных мер», используемой в международной практике корпоративной ответственности. Например, в соответствии с британским законом о взяточничестве (UK Bribery Act), компания может избежать ответственности, если докажет

наличие «адекватных процедур» по предотвращению коррупционных преступлений.[30]

Дополнительно, в соответствии с частью 2 статьи 125 УК РА, юридическое лицо может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно устранило причины и условия, способствовавшие преступлению, если таковые имелись, возместило причиненный ущерб, ликвидировало иные негативные последствия преступления, а также вернуло имущество, полученное преступным путем, включая доходы.

Анализ диспозиции предполагает, что юридическое лицо может избежать уголовной ответственности при выполнении ряда компенсаторных и превентивных мер. В частности, часть 2 статьи 125 УК РА выделяет следующие условия освобождения:

Устранение причин и условий, способствовавших преступлению – компания должна продемонстрировать, что она приняла меры для исключения системных или организационных недостатков, которые могли привести к преступному деянию. Это может включать изменение корпоративной структуры, кадровые перестановки, пересмотр внутренних регламентов и политики комплаенса.

Возмещение причиненного ущерба – организация обязана компенсировать вред, нанесенный потерпевшим или государству, что является важным фактором в оценке ее добросовестности.

Ликвидация иных негативных последствий преступления – данное условие может включать исправление корпоративной отчетности, исправление правовых нарушений и другие меры, направленные на восстановление справедливости.

Возвращение преступного имущества и доходов – компания должна не только устранить последствия преступления, но и лишиться любых незаконно полученных преимуществ, включая активы, вырученные в результате преступного деяния.

Эти положения во многом схожи (но не идентичны) с международными стандартами корпоративной уголовной ответственности, в том числе с практикой заключения соглашений об отказе от преследования (NPA) или отсрочке судебного разбирательства (DPA), где добровольное сотрудничество, возмещение ущерба и внедрение эффективных мер комплаенса могут смягчить или исключить ответственность.[31]

Таким образом, законодатель устанавливает дифференцированный подход к освобождению юридических лиц от уголовной ответственности, выделяя две правовые категории: **«принятием необходимых мер для предотвращения преступления» и «устранением причин и условий, способствовавших преступлению».**

Разница между «принятием необходимых мер для предотвращения преступления» и «устранением причин и условий, способствовавших преступлению» заключается в моменте и характере действий, которые предпринимает юридическое лицо.

Первая категория (принятие необходимых мер для предотвращения преступления) – это **упреждающие** (превентивные) меры, которые принимаются до совершения преступления с

[30] В то же время, данная статья может вызывать сложности в правоприменении, поскольку оценка «разумных и необходимых мер» остается субъективной и требует четких критериев. Необходимость дальнейшей детализации таких критериев может стать основанием для законодательных изменений или разъяснений со стороны судебной практики.

[31] Однако реализация данного подхода в Армении потребует четких механизмов оценки достаточности предпринятых мер, чтобы избежать злоупотреблений и формального подхода к освобождению юридических лиц от ответственности.

целью его недопущения. Они могут включить разработку и внедрение программ комплаенса, создание антикоррупционных и контрольных механизмов, проведение внутренних расследований и аудитов, проведение обучения сотрудников по вопросам законности и корпоративной этики, назначение комплаенс-офицера, который следит за соблюдением норм, внедрение автоматизированных систем выявления подозрительных транзакции, введение должностных инструкций и корпоративных политик по предотвращению преступлений.

Первая категория (предотвращение) направлена на упреждение преступлений и освобождает от ответственности, если компания не имела реальной возможности предотвратить преступление, несмотря на предпринятые меры.

Вторая категория (устранение причин и условий, способствовавших преступлению) – это **реактивные** меры, которые принимаются после совершения преступления для исправления ситуации и предотвращения подобных преступлений в будущем. Они могут включать: изменение корпоративных процедур и структуры управления, усиление внутреннего контроля и надзора, увольнение или привлечение к дисциплинарной ответственности виновных лиц, внедрение новых инструментов мониторинга правонарушений.

Вторая категория (устранение последствий) применяется уже после совершения преступления и дает компании возможность избежать уголовной ответственности, если она устранила причины преступления, возместила ущерб и вернула незаконно полученные активы.

Эти подходы направлены на стимулирование добросовестного поведения юридических лиц, побуждая их к усиленному внутреннему контролю и активному устранению последствий правонарушений. Таким образом, законодатель стремится не только наказать виновных, но и создать механизмы, способствующие предупреждению преступлений и восстановлению справедливости.

Если юридическое лицо демонстрирует добросовестное отношение к правопорядку, проявляя активность в предотвращении преступлений или в последующем устранении их последствий, уголовное преследование утрачивает свою необходимость. В таких случаях наказательная функция уголовного права уступает место восстановительным мерам, что соответствует современным принципам уголовной политики, ориентированной на баланс между репрессией и стимулированием законопослушного поведения.

Анализ вышеизложенных положений законодательства Республики Армения позволяет предположить, что процессуальные основы института отказа или отсрочки от уголовного преследования регулируются уголовно-правовыми механизмами, прямо устанавливающими основания для освобождения юридического лица от уголовной ответственности. Уголовно-правовые механизмы освобождения юридических лиц от уголовной ответственности и процессуальные механизмы отказа от уголовного преследования или его отсрочки преследуют одинаковые правовые цели:

1. Предупреждение преступлений и стимулирование правомерного поведения – законодатель предоставляет возможность избежать уголовного преследования, если субъект (юридическое лицо или физическое лицо) предпринял все разумные меры для предотвращения преступления или устранил его последствия.

2. Компенсационный характер – как освобождение юридического лица от ответственности, так и отказ от уголовного преследования требуют возмещения ущерба и устранения последствий преступления. Это подчеркивает приоритет восстановления нарушенных прав потерпевших перед наказанием.

3. Стимулирование сотрудничества с правоохранительными органами – в случае юридических лиц освобождение может быть связано с внедрением эффективных внутренних механизмов контроля, а для физических лиц отказ от преследования или его отсрочка часто предполагает содействие следствию и сотрудничество с правоохранительными органами.

4. Дифференцированный подход к ответственности – как и в случае с юридическими лицами, уголовное преследование физических лиц может быть прекращено, если будет доказано их деятельное раскаяние, активное устранение последствий преступления или выполнение условий, установленных соглашением с прокурором.

Законодательная политика Республики Армения строится на комбинации репрессивных и восстановительных механизмов, обеспечивая баланс между необходимостью наказания и возможностью отказа от уголовного преследования при соблюдении ряда условий. Это создает гибкую систему уголовной ответственности, направленную на правовую реабилитацию и предотвращение преступлений в будущем.

Если провести параллель с законодательством Республики Армения, можно выделить несколько схожих черт между освобождением юридических лиц от уголовной ответственности (ст. 124, 125 УК РА) и механизмом американского NPA: 1.Предотвращение преступлений и внедрение комплаенс-программ: армянский УК освобождает юридическое лицо, если его участники предприняли разумные меры для предотвращения преступления. В США, чтобы получить NPA, компания должна доказать, что она уже внедрила или готова внедрить эффективную программу внутреннего контроля (compliance program), предотвращающую аналогичные нарушения в будущем.

2. Возмещение ущерба и устранение последствий: согласно ст. 125 УК РА, юридическое лицо может быть освобождено от ответственности, если оно полностью возместило ущерб и устранило последствия преступления. В рамках NPA американская компания также обязана выплатить штраф, компенсировать вред пострадавшим и принять меры по исправлению ситуации.

3. Сотрудничество со следствием: освобождение юридического лица в Армении может быть обусловлено его активными внутренними действиями, направленными на внедрение эффективных механизмов контроля, в США предоставление информации о причастных лицах, передача документов и полное содействие расследованию являются ключевыми условиями заключения NPA.

4. Избежание уголовного преследования при соблюдении условий: в Армении юридическое лицо может быть освобождено, если оно добровольно выполняет условия, предусмотренные законом. В США NPA формально означает отказ прокуратуры от возбуждения дела, но с обязательством компании соблюдать все условия соглашения в течение определенного срока.

Основное отличие состоит в юридической природе механизма. В Армении освобождение от уголовной ответственности юридического лица закреплено в самом уголовном кодексе как правовой институт, а в США NPA представляет собой дискреционное решение прокуратуры, основанное на принципах уголовной политики и регулируемое внутренними инструкциями Минюста США.

Тем не менее, оба подхода ориентированы на стимулирование корпоративной ответственности, предотвращение преступлений и восстановление справедливости без необходимости жестких уголовных санкций.

Несмотря на наличия уголовно-правовых механизмов следует заметить, что уголовно-

процессуальное законодательство хотя не исключает, но не предусматривает возможность внедрения процессуального института соглашения о прекращении уголовного преследования (по аналогии с Non-Prosecution Agreement (NPA) в США).

Уголовно-процессуальный кодекс лишь предусматривает основания для прекращения уголовного преследования. Статья 440 УПК предусматривает основания прекращения уголовного преследования, ссылаясь на положения статей 124, 125 УК РА. Положения УК РА ближе к автоматическому освобождению от уголовного преследования по закону, чем к договорному механизму.

Таким образом, УПК предусматривает основания для прекращения уголовного дела, но не дает органам прокуратуры и компаниям возможности договариваться о прекращении дела в обмен на определенные обязательства.

Обобщая вышеуказанное, следует отметить, что целесообразно рассматривать определенные альтернативные механизмы досудебного урегулирования.

В ряде случаев прокуратура и юридическое лицо могут договориться о добровольном выполнении условий освобождения без необходимости судебного разбирательства: досудебное соглашения между прокуратурой и юридическим лицом (по аналогии с NPA/DPA). Внедрения альтернативных механизмов могут ликвидировать репутационные негативные риски для бизнеса при выполнении условий прокуратуры.

Возможными процессуальными альтернативами реализации механизмов отказа и отсрочки от уголовного преследования могут выступить:

1. Заключение соглашения между юридическим лицом и прокуратурой на досудебном производстве – Введение процессуального института соглашения об отказе уголовного преследования (по аналогии с Non-Prosecution Agreement (NPA) в США) позволило бы юридическим лицам избежать судебного разбирательства при выполнении определенных условий. – Это может включать: признание нарушения и сотрудничество со следствием; возмещение причиненного ущерба; устранение причин и условий, способствовавших преступлению; внедрение эффективных мер комплаенс-контроля для предотвращения подобных ситуаций в будущем.

В случае выполнения условий соглашения прокурор принимает решение об отказе от уголовного преследования.

2. Условное прекращение уголовного преследования с контролем за исполнением обязательств. Возможен механизм условного отказа от уголовного преследования *(отсрочка от уголовного преследования)*, при котором прокурор или суд прекращает дело, но устанавливает испытательный срок для юридического лица (например, 1-3 года), в течение которого оно обязано выполнить определенные условия (внедрение комплаенс-программ, компенсация ущерба и т.д.).

Если компания выполняет все обязательства, дело окончательно закрывается. В случае невыполнения условий уголовное преследование может быть возобновлено.

Заключение

В Армении наблюдается тенденция к расширению дискреционных полномочий правоохранительных органов, особенно в сфере экономических преступлений. Уголовно-процессуальный кодекс (УПК РА) предусматривает возможность отказа от уголовного преследования (ст. 197), однако применение данной нормы ограничено и не позволяет в

полной мере реализовать механизмы альтернативного урегулирования уголовно-правовых споров.

Анализ представленных материалов позволяет сделать вывод о необходимости развития института отказа и отсрочки от уголовного преследования в правовой системе Республики Армения с учетом международного опыта. Современная уголовно-правовая политика должна обеспечивать баланс между принципами законности и целесообразности, позволяя гибко реагировать на преступления, особенно в сфере корпоративной ответственности.

В свете вышеизложенного, представляется целесообразным развить предложенные идеи в направлении формализации института досудебного соглашения между прокуратурой и юридическим лицом. Для этого в уголовно-процессуальное законодательство Республики Армения может быть введён отдельный правовой механизм, аналогичный Non-Prosecution Agreement (NPA) и Deferred Prosecution Agreements (DPA).

Такая норма может быть включена в УПК РА в качестве новой статьи (например, «Особый порядок отказа от уголовного преследования юридического лица»), опирающейся на положения статей 124 и 125 УК РА, но превращающей их в динамический механизм досудебного регулирования.

Дополнительно, с учётом глобальных тенденций, возможным шагом является разработка методических рекомендаций Генеральной прокуратуры РА по вопросам применения механизмов освобождения юридических лиц от ответственности, аналогично Руководствам Минюста США (DOJ Guidance) по корпоративным расследованиям.

Разработка методических указаний Генеральной прокуратуры Республики Армения по вопросам применения таких соглашений могла бы служить дополнительной гарантией единообразия практики и повышения доверия к правосудию в сфере корпоративной уголовной ответственности.

Таким образом, формализация механизмов досудебного соглашения между прокуратурой и юридическими лицами не только обеспечит гибкость уголовного процесса, но и усилит превентивную направленность уголовной политики, содействуя построению справедливой, эффективной и ориентированной на восстановление правовой системы.

Внедрение этих процедур повысит гибкость уголовного судопроизводства, обеспечит баланс между наказанием и восстановлением справедливости и будет соответствовать международной практике борьбы с корпоративными преступлениями.

Предлагаемый подход обеспечит баланс между репрессивными и восстановительными механизмами уголовного права, сделав систему правосудия более гибкой и ориентированной на предупреждение преступлений, а не только на наказание.

Аннотация. В статье рассматривается институт освобождения от уголовного преследования юридических лиц в различных правовых системах, включая законодательство Армении и зарубежных стран. Анализируется баланс между принципами законности и целесообразности при отказе от уголовного преследования, а также правовые механизмы, позволяющие избежать судебного разбирательства при соблюдении определенных условий. Особое внимание уделено международному опыту, включая соглашения об отсрочке уголовного преследования (DPA) и об отказе от уголовного преследования (NPA), используемые в США, Великобритании, Канаде и Франции. Рассматриваются условия, при которых юридические лица могут быть освобождены от ответственности, включая внедрение антикоррупционных мер, возмещение ущерба и сотрудничество с правоохранительными органами.

В заключении обосновывается необходимость реформирования Уголовно-процессуального законодательства Армении с целью внедрения процессуальных альтернатив уголовному преследованию. Введение данных механизмов позволит повысить гибкость уголовного судопроизводства, снизить репутационные риски для бизнеса, стимулировать правомерное поведение юридических лиц и создать эффективную систему предотвращения корпоративных преступлений. Кроме того, применение данных механизмов может способствовать укреплению доверия к правоохранительным органам и судебной системе за счет прозрачности и предсказуемости решений в сфере уголовного преследования.

Անփոփագիր: Հոդվածում քննարկվում է իրավաբանական անձանց քրեական հետապնդումից ազատման ինստիտուտը տարբեր իրավական համակարգերում, ներառյալ Հայաստանի և արտասահմանյան երկրների օրենսդրությունը: Վերլուծվում է օրինականության և նպատակահարմարության սկզբունքների միջև հավասարակշռությունը քրեական հետապնդումից հրաժարվելու դեպքում, ինչպես նաև իրավական մեխանիզմները, որոնք թույլ են տալիս խուսափել քրեական հետապնդումից որոշակի պայմանների պահպանման դեպքում: Հատուկ ուշադրություն է դարձվում միջազգային փորձին, այդ թվում՝ քրեական հետապնդման հետաձգման (DPA) և քրեական հետապնդումից հրաժարման (NPA) համաձայնագրերին, որոնք կիրառվում են ԱՄՆ-ում, Մեծ Բրիտանիայում, Կանադայում և Ֆրանսիայում: Քննարկվում են այն պայմանները, որոնց դեպքում իրավաբանական անձինք կարող են ազատվել քրեական պատասխանատվությունից, ներառյալ հակակոռուպցիոն միջոցների ներդրումը, հասցված վնասի փոխհատուցումը և իրավապահ մարմինների հետ համագործակցությունը:

Եզրափակիչ մասում հիմնավորվում է Հայաստանի քրեական դատավարության օրենսդրության բարեփոխման անհրաժեշտությունը՝ քրեական հետապնդման գործընթացային այլընտրանքների ներդրման նպատակով: Նման մեխանիզմների ներդրումը կբարձրացնի քրեական դատավարության ճկունությունը, կնվազեցնի բիզնեսի համար հեղինակային ռիսկերը, կխթանի իրավաբանական անձանց օրինական վարքագիծը և կստեղծի կորպորատիվ հանցագործությունների կանխարգելման արդյունավետ համակարգ: Բացի դրանից՝ համապատասխան մեխանիզմների կիրառումը կարող է նպաստել հասարակության վստահության ամրապնդմանը իրավապահ մարմինների և դատական համակարգի նկատմամբ՝ քրեական հետապնդման ոլորտում որոշումների թափանցիկության և կանխատեսելիության ապահովման միջոցով:

Annotation. The article examines the institution of exemption from criminal prosecution of legal entities in various legal systems, including the legislation of Armenia and foreign countries. It analyzes the balance between the principles of legality and expediency in decisions to forgo criminal prosecution, as well as the legal mechanisms that allow for the avoidance of judicial proceedings under certain conditions. Particular attention is given to international experience, including Deferred Prosecution Agreements (DPA) and Non-Prosecution Agreements (NPA) used in the United States, the United Kingdom, Canada, and France. The article explores the conditions under which legal entities may be exempt from liability, such as the implementation of anti-corruption measures, compensation for damages, and cooperation with law enforcement authorities.

In conclusion, we substantiate the necessity of reforming Armenia's criminal procedural legislation to introduce procedural alternatives to criminal prosecution. The implementation of these mechanisms would enhance the flexibility of criminal proceedings, reduce reputational risks for businesses, encourage lawful behavior among legal entities, and establish an effective system for preventing corporate crimes. Furthermore, the application of these mechanisms could contribute to strengthening public trust in law enforcement and the judiciary by ensuring transparency and predictability in criminal prosecution decisions.

Ключевые слова: *уголовное преследование, принцип законности, принцип целесообразности, дискреционное усмотрение, освобождение от уголовной ответственности, отсрочка от уголовного преследования, отказ от уголовного преследования.*

Բանալի բառեր *- քրեական հետապնդում, օրինականության սկզբունք, նպատակահարմարության սկզբունք, դիսկրետ հայեցողություն, քրեական պատասխանատվությունից ազատում, քրեական հետապնդման հետաձգում, քրեական հետապնդումից հրաժարում:*

Keywords: *criminal prosecution, alternative measures, principle of legality, principle of expediency, discretionary prosecution, deferred prosecution, non-prosecution.*

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александрова А.В. Альтернативы уголовному преследованию в зарубежном законодательстве // Известия Юго-Западного государственного университета. 2018. Т. 22, No 2(77). С. 152-157.

2. Голованова Н.А., Корпоративная ответственность: трансформация уголовно-правового регулирования // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/korporativnaya-otvetstvennost-transformatsiya-ugolovno-pravovogo-regulirovaniya (дата обращения: 26.02.2025).

3. Alexander, C. R., & Cohen, M. (2015). *The Impact of Deferred and Non-Prosecution Agreements on Corporate Governance*. Journal of Law and Economics, 245-278.

4. Anderson J. M., Waggoner I. The Changing Role of Criminal Law in Controlling Corporate Behavior. URL: https:// www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR400/ RR412/RAND_RR412.pdf

5. Asep N Mulyana, *Deferred Prosecution Agreement dalam Kejahatan Bisnis* (Jakarta: Grasindo, 2019), p. 239-242.

6. B. Hock, E. Dávid-Barrett. The compliance game: legal endogeneity in anti-bribery settlement negotiations, Int. J. Law Crime. Justice, 71 (2022), pp. 1-13

7. Bouthinon-Dumas, H. (2021). Corporate Responsibility and Criminal Justice Reform in France. European Business Law Review, 32(1), 77-99.

8. Buisson, B., & Aubert, C. (2019). The Evolution of Corporate Criminal Liability in France: From Repression to Compliance. Journal of Business Law, 34(2), 215-232.

9. Corporate Crime Reporter. *Corporate Criminal Law Doesn't Exist.* Доступно по ссылке: https://www.corporatecrimereporter.com/news/200/corporate-criminal-law-doesnt-exist/.

10. Government of Canada. (2018). *Criminal Code of Canada, Part XXII.1 (Remediation Agreements).* Доступно по ссылке: https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/C-46/page-181.html#h-280646.

11. Khanna, V. S. (2017). *DPAs and NPAs: Strengthening or Weakening Corporate Compliance?* Yale Journal on Regulation, **34**(3), 411-442.

12. MacKinnon, L. (2019). *SNC-Lavalin: The Political Scandal that Shook Canada*. CBC News. Доступно по ссылке: https://www.cbc.ca/news/politics/snc-lavalin-scandal-explainer-1.5021122.

13. Marshall B. Clinard and Peter C. Yeager, *Corporate Crime* (London: Collier MacMillan Publishers, 2010),

14. Mike Koehler, "Assistant Attorney General Breuer's Unconvincing Defense of DPAs/NPAs," FCPA Professor Blog (Sept. 17, 2012) (Доступно по ссылке: http://www.fcpaprofessor.com/ assistant-attorney-general-breuers-unconvincing-defense-of- dpas-npas).

15. Mirsa Astuti and Muhammad Faris Aksa, "Pendekatan Restoratif Sebagai Alternatif Sanksi Pidana dalam Kejahatan Korporasi," Iuris Studia: Jurnal Kajian Hukum 2, No. 3 (2021): 679-684, https://doi. org/10.55357/is.v2i3.195

16. Morgan B. The future of Deferred Prosecution Agreements after Rolls-Royce. 2017. 8 March. URL: https:// www.sfo.gov. uk/2017/03/08/the-future-of-deferred-prosecution-agreements-after-rolls-royce/; о гражданско-правовом регулировании договорных отношений см.: Договоры в гражданском праве зарубежных стран: монография / отв. ред. С. В. Соловьева. М., 2018.

17. OECD. (2021). *The Role of Deferred Prosecution Agreements in Combatting Corporate Corruption: Canada's*

Perspective. OECD Publishing. Доступно по ссылке: https://www.oecd.org/corruption/anti-bribery/Canada-DPAs-2021.pdf. *(Доклад ОЭСР о роли DPA в борьбе с корпоративной коррупцией в Канаде.)*

18. Randall D. Eliason, "We Need to Indict Them," Legal Times (Sept. 22, 2008).

19. Steinzor R. Why Not Jail? Industrial Catastrophes, Corporate Malfeasance and Government Inaction. Cambridge University Press, 2014. P. 258—263.

20. U.S. Department of Justice Soft on Corporate Crime, supra note 15

Баяндурян О. - Член палаты адвокатов РА, аспирант кафедры уголовного права и уголовно-процессуального права Российско-Армянского университета, эл. почта: hovhannes.bayanduryan@rau.am.

Отправлено в редакцию 28.03.2025 г., дано на рецензирование 20.03.2025 г., рецензент – профессор кафедры уголовного права и уголовно-процессуального права, д.ю.н., заслуженный профессор РАУ С. Цагикян, принято в печать 22.04.2025 г.